

фенко Кондратьев был монастырский служка, что он общался с иногородними монастырскими слугами. От них он узнавал не только о различных сочинениях и о их переводах, но и о судьбе писателей, церковных деятелей.

Интерес троицкого служки к событиям в Киеве будет более понятным, если учесть, что киевский митрополит Петр Могила незадолго перед тем прислал богатый дар в Троице-Сергиев монастырь. Сообщает об этом Вкладная книга; здесь в главе «Вклады владык нововыезжих и иных земель» записано: «7154 (1646) году июня в 6 день дал вкладу киевской митрополит Петр Могила три книги печатные киевские: книгу Беседы апостольские, да книгу Деяния апостолов и нравуучение, да книгу Треодъ цвѣтную, все по обрезу золочены. Привез посланник ево Троицкого Печерского монастыря игумен Иринарх, да ево ж митрополичь боярин Иван Предремирской».³² Но не только русско-украинские связи середины XVII в. освещает запись Парфенки Кондратьева. Она помогает оценить сборник как источник высокой грамотности Московской Руси этого времени. Переписчик сборника 1649 г. приводит греческий и латинский алфавиты. В ~~сборнике~~ рукописей Троице-Сергиева монастыря известны иноязычные книги; среди них вклад Симона Азарина, под 1665 г., — Псалтырь на славянском, греческом и польском языках XVII в.,³³ текст которой следует в три строки. В сборнике 1649 г. два иностранных алфавита и счет по-гречески указывают на практические навыки в овладении иностранными языками.

Сборник учительного содержания 1649 г. поступил в Пушкинский дом в 1951 г. в составе собрания ИМЛИ; он происходит из собрания С. С. Газдяцкого, которое составлялось, по-видимому, в Москве в 1930-е годы. Обстоятельства, при которых была обнаружена рукопись 1649 г., нам неизвестны.

Три рукописные книги XVI—XVII вв. троицкого происхождения, вошедшие в собрание Пушкинского дома, показывают, что, созданные в крупнейшем русском монастыре, они находили большой спрос и сохранялись из поколения в поколение вдали от места своего происхождения. Трудно не заподозрить известного воздействия этих, образцово написанных, а порой и искусно украшенных книг на книгописное дело в отдаленных местах русского Севера и вообще на его культуру.³⁴ Так, Север, обладавший своими местными народными традициями, вступал в неизбежные контакты с центральными областями России.

³² Вкладная книга, л. 107 (рукопись Загорского музея).

³³ См.: Леонид. Сведения о славянских рукописях, вып. II, стр. 7—8 (ГБЛ, ф. 173. № 5 (10)).

³⁴ В том же направлении могли воздействовать и печатные книги. Недавно в собрание старопечатных книг Пушкинского дома поступил Часовник, изданный в Москве в 1634 г., с подстрочной вкладной записью на лл. 2—10: «В Воскресенья Деревяницкоу монастыря даче Сергиева монастыря архимарита Андреяна по своим родителям к режней (так!) своей даче». Очевидно, этот вклад был сделан в указанный новгородский монастырь из Троицкого монастыря между 1640—1656 гг., — в то время, когда Адриан Новгородец был архимандритом Троице-Сергиевой лавры (см.: П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стр. 139).